

КОНЦЕПТ "СЧАСТЬЕ" В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Громенко Мария Викторовна
К.филол.н., доцент,
Юго-Западный государственный
университет, Россия, Курск

THE CONCEPT OF "HAPPINESS" IN THE POETRY OF THE SILVER AGE

M. Gromenko

Annotation

The paper presents a systematic analysis of the process conceptualization of poetry on the concept of "happiness". The analysis of the content of poetry poems of two literary fields allowed the identification of commonalities and differences in the representation of happiness as a poetic discourse, which is a feature inter-subjectively communicated in the presentation of the concept "happiness" as a combination of lexical, conceptual, field, and individual emotions of joy-tional components. The study found that in poetry of the silver age this concept can be interpreted not only as a mental, but also social and adaptive nature of human subjective assessment of poetry in developing reading in Teresa, when concepts are experienced and can determine moral values. Through the use of cognitive methods of analysis it is concluded that the concept "happiness" is a significant symbol in building and in the perception of life trajectories submitted and created by poets from different literary areas. Poets UMIST-and quite convincingly employ the technique of "visual modeling" abstract categories of happiness through sensual images, so the concept is determined they have as complete set of OBR-call and meanings that gender is a marker of linguistic and emotional author's individuality of the poets of the silver age.

Keywords: concept, happiness, poetry, creativity, identity, originality, individuality, creativity.

Аннотация

В статье представлен системный анализ процесса концептуализации поэзии серебряного века на примере концепта "счастье". Анализ содержания стихотворений поэзии двух литературных направлений позволил выявить общие черты и отличия в представлении счастья как поэтического дискурса, особенностью которого является взаимообусловленная связь в представлении концепта "счастье" как совокупность лексической, понятийной, авторской индивидуальной и эмоциональной составляющих. В ходе исследования установлено, что в поэзии серебряного века данный концепт можно интерпретировать не только как ментальную, но и социально – адаптивную сущность человека, как фактор субъективной оценки поэзии в формировании читательского интереса, когда концепты переживаются и могут определять ценностные ориентиры. На основе использования когнитивных методов анализа сделан вывод о том, что концепт "счастье" является значимым символом в построении и в восприятии жизненной траектории, представляемой и создаваемой поэтами разных литературных направлений. Поэты уместно и достаточно убедительно используют приём "наглядного моделирования" абстрактной категории счастья с помощью чувственных образов, поэтому концепт определяется у них как целостная совокупность образов и смыслов, что является гендерным маркером лингвистической и эмоциональной авторской индивидуальности поэтов серебряного века.

Ключевые слова:

Концепт, счастье, поэзия, творчество, личность, самобытность, индивидуальность, творчество.

Исследование процессов концептуализации в языке, мышлении, культуре в целом и художественной литературе в частности – актуальное направление научных изысканий, находящееся на стыке лингвистики, литературоведения, философии, культурологии, психологии, фольклористики и других научных областей. Концепты в их взаимосвязях образуют концептосферу как народов, так и отдельных авторов в сфере художественного творчества. Её анализ, в свою очередь, позволяет более глубоко проникнуть в поэтику, авторское сознание и аксиологию, выявить идеологические и ценностные ориентиры.

В качестве темы данной статьи выбран концепт "счастье" в поэзии серебряного века. "Поэзия, как и любое дру-

гое искусство "...прямо воздействует на самые главные регуляторы человеческого поведения и мышления – на чувственное и волевое отношение человека к миру" [14 с. 47].

Цель исследования – выявление общих черт и индивидуальных отличий в концептуализации понятия "счастье" на примере таких представителей серебряного века русской литературы, как А. Блок, З. Гиппиус, Н. Гумилёв, М. Цветаева.

Научная новизна исследования заключается в том, что указанный концепт впервые системно рассматривается в поэтическом дискурсе на широком материале представителей разных направлений серебряного века и с учётом гендерного аспекта.

Гипотеза исследования: фелицитарный концепт "счастье" есть крайне динамичная категория и основополагающий "маркер" конкретной ценностно-философской концепции, находящейся в данный момент в центре внимания художника и отображающий его внутренний мир.

Предмет исследования – стихотворения указанных авторов, содержащие лексему "счастье" (счастье), объект – особенности концептуализации понятия "счастье" русскими поэтами серебряного века (в плане понятийной, эмоциональной и ценностной составляющих).

Методы, использованные в процессе написания статьи: метод семантико-когнитивного анализа, когнитивная интерпретация, тематическая выборка, систематизация, метод аналогии.

Первые фелицитарные идеи и так называемые философские "манифесты счастья" оформляются ещё в античности. Проблему счастья пытались осмыслить Аристотель, Сенека, Эпикур, затем – Боэций, Августин Блаженный, Фома Аквинский, в Новое время – Гельвеций, Фейербах, Бентам, Милль. Фундаментальный труд XX века "О счастье" принадлежит польскому философу В. Татаркевичу. "Всемирная база данных счастья – это архив результатов исследований, основанных на субъективных наслаждений жизни. Она объединяет находки, которые разбросаны на протяжении многих исследований и служит основой для синтетической работы [19].

К сегодняшнему дню сложился широкий круг фелицитарных вопросов: психологические и аксиологические аспекты счастья, способы его достижения (праксиология счастья), противоречивость счастья и т.д. Счастье в обыденном сознании – это "желанное настоящее", а его сущностные черты в представлении респондентов – это приоритетные элементы жизненного идеала: факторы, образующие "причину или причины счастья"

Ruut Veenhoven поясняет очень важный момент: "In that context, happiness is commonly understood as how much one likes the life one lives, or more formally, the degree to which one evaluates one's life-as-a-whole positively. A central element in this definition is subjective 'evaluation' or 'liking' of life, also referred to as 'satisfaction' with life. These words refer to a mental state but leave some ambiguity about the precise nature of that state" [17, с. 1].

В переводе: "Счастье обычно понимается как то, насколько человек любит свою жизнь, или более формально – как степень, в которой человек в целом оценивает свою жизнь как положительную.

Центральным элементом в этом определении является субъективная "оценка" жизни или "вкус" к ней, также называемые "удовлетворением" жизнью.

Данные понятия относятся к психическому состоянию, но оставляют некоторую двусмысленность в отношении точной природы этого состояния". Концепт "счастье" как результат когниции, ментальное и национально-специфическое образование имеет планом содержания всю совокупность знаний о своём объекте, планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических и др.).

Составляющие семантики концепта "счастье" в ментальном, религиозном, поэтическом, психологическом дискурсах, в концептуальной картине мира личности, во внутреннем мире человека и в ряду иных метафизических концептов (любовь, свобода, истина, душа и т.д.) анализируют Д.С. Лихачёв [8], Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелёв, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин [11], Л.В. Адонина, Ю.С. Степанов, Е.Э. Разлогова, А.К. Жолковский, В.А. Маслова, С.Г. Воркачёв, В.В. Петров, В.Н. Телия, В.И. Карасик и др. В современной науке концепт "счастье" по преимуществу трактуется как ментальная сущность человека, сводящая воедино принципиально важные знания, желания, эмоции, и одновременно базовый концепт культуры, имеющий возрастную и гендерную составляющие, поскольку подобные концепты не только мыслятся, но и активно переживаются человеком.

В монографии "Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического сознания"[3] С.Г. Воркачёв обобщает лингвистические взгляды на концепт как на ментальное образование, которое отмечено этнокультурной спецификой и находит своё языковое выражение и характерную контекстную сочетаемость. Исследователь рассматривает понятийную, значимостную и метафорически-образную составляющие концепта "счастье" и подчёркивает, что к счастью относится к числу определяющих характеристик духовной сущности человека. Представления о нём образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, входит в центральную часть аксиологической области личностного сознания [3, с.6]. Под этим углом зрения мы поставили задачу сопоставить понимание счастья представителями нескольких направлений поэзии серебряного века.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945), относящаяся к старшему символизму и считающаяся идеологом символизма и самой яркой фигурой поэзии XX века. Душевная неповторимость автора обнаруживается в том, что стихи ее трудно любить, но их и невозможно забыть, что формирует читательский интерес, "...интерес – это направленность и сосредоточенность, это все то, что действует на наши чувства, включает воображение..." [9, с.106]. Иллюзии ей были не свойственны, но как независимый человек с логическим умом ей было свойственно ревностное ожидание счастья.

В стихотворении "Посвящение" она призывает:

*"Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать..."* [4, с.25].

Счастье как абсолютный предел желаний связывает поэтессу с проявлением предельной смелости, дерзости ("осмелюсь"). Жизненный путь, малодушный ропот, одиночество – всё это за пределами счастья и вызывает желание покоряться людям. В стихотворении "Свобода" поэтесса пытается найти путь к счастью как возможное покорение богу, где пишет:

*Я разрываю людские сети -
Счастье, унынье и сон..."* [4 с.84].

В этих строках обозначено ее желание помочь себе самой, но счастье не совместимо с состоянием уныния и апатии души, как состояния, когда

*"...в ней, ни страха, ни стыда.
Куда ведет она меня - не знаю..."* [4, с.49].

Мотив вечного стремления, постоянного ожидания и вместе с тем недостижимости счастья характерен для гиппиусовской поэзии и преобладает в ней. Счастье в представлении Гиппиус можно сравнить с огоньками Антуана де Сент-Экзюпери "Снова и снова появлялись огоньки; со смутной надеждой мы брали курс поочередно на каждый из них. И когда огонек не исчезал, мы проделывали последнюю попытку..." [1, с.91]. Но "раненое" счастье поэтессы не дает ей попытки увидеть свой огонек, принять жизнь во всей ее полноте и не могут ей помочь "Апельсиновые цветы", когда

*"Вы счастье ищете напрасно...
А счастье может быть прекрасно..."* [4, с.47].

В своем исследовании мы обратили внимание на наречие "напрасно" и краткое прилагательное "прекрасно". Данная маркировка – это зависимость от контекста и своего значения, но их лингвистическая составляющая имеет определенную когнитивную интерпретацию выявления общего и индивидуального в концептуализации понятия "счастье" с учетом гендерного различия.

Системный анализ творчества поэтов серебряного века показывает, что концепт "счастье" создает не только определенную эмоциональную составляющую их поэзии, но и является значимым символом в построении и в восприятии жизненной траектории "счастья", представляемой и создаваемой поэтами разных литературных направлений серебряного века. "В исследовании сложности восприятия как фактора, влияющего на развитие читательского интереса, мы выбираем уровни образной системы и системы стиля, ибо они, прежде всего, определяют новые смыслы и содержания текстов..." [5, с.112].

Данный вывод соответствует гипотезе нашего исследования, и определённый интерес в ее подтверждении представляет творчество Александра Александровича Блока (1889 –1921). А. Блок представляет младший символизм и одновременно расцвет этого направления. В стихотворении "Измучен бурей вдохновенья..." он бунтарски декларирует: "Мне непонятно счастье рая...", он ищет его на земле и находит – "Ловя мгновенья сумрачной печали...":

*"Минуты счастья, радости нас ждали,
Презрели их, отвергли мы с тобой.
Мы разошлись. Свободны жизни наши,
Забыли мы былые времена,
И думаю, из полной, светлой чаши
Мы счастье пьем, пока не видя дна".*

Счастье в данном случае "опредмечивается", уподобляется напитку в чаше (используется мифологический архетип); "дно" – предметная граница между состоянием счастья и его отсутствием. В стихотворении "Май жестокий с белыми ночами!.." раскрывается интересная концепция праздного счастья "и розоперстной судьбы" как времен величье. Лексемы "праздного", "судьба", "величье", "гибель", "страстью", "грустью" [2, с. 99] в данном стихотворении отражают тот факт, что за живым словом поэта стоит драматизм его мысли и чувства, и счастье есть далеко не праздные заботы. Оно

*"...без конца и без краю -
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!"* [2, с. 89].

И это те строки, где раскрывается новая сторона мировосприятия поэта, его провиденциальное прозрение, несмотря на то, что

*"...счастье и муки
Свой горький положили след..."* [2, с.161].

В стихотворении "Мне снилась снова ты..." счастье сосредоточивается в единственном объекте поклонения, источнике сценического искусства:

*"Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: "Счастье там, я снова покорён!" "* [13, с.329].

В поэтическом размышлении А. Блока, его взглядов на природу счастья, есть признаки "фелицитарного нигилизма", когда оно представляется как иллюзорность, мимолетность, а возможно и как редкость появления на траектории счастья:

*"... Вон счастье мое - на тройке
В серебряный дым унесло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло..."* [2, с.111].

И тут же категорически отрицает его возможность:

*"Пусть светит месяц - ночь темна,
Пусть жизнь приносит людям счастье, -
В моей душе любви весна
Не сменил бурного ненастья"* [13, с.329].

В целом ряде стихотворений у Блока глубоко субъективное или опосредствованное восприятие счастья, а иногда он приходит к отрицанию самой возможности счастья:

"Счастья не требую. Ласки не надо..." [2, с.122],

*"...Нет! Счастье - праздная забота
Ведь молодость давно прошла..."* [2, с.66]

Так проявляется фелицитарный нигилизм А. Блока и одним из главных обстоятельств этого является тот факт, что в его поэзии отражается еще не устоявшаяся жизнь, проблема вхождения поэта в новый социум, где "счастье брезжит" и у него "младенческая лень". Блоку этот период жизни представлялся как "сон тяжелый" и свое счастье он видел в том, что когда-то

*"...юноша веселый
В грядущем скажет обо мне!
Простим угрюмство - разве это
Сокрытый двигатель его ?
Он весь - дитя добра и света,
О весь свободы торжество!"*

Новым в поэтическом дискурсе представлен концепт "счастье" в "русской семантической поэзии", представитель акмеизма поэзии серебряного века. Данный концепт мы представляем как предопределенную совокупность не только литературных смыслов, но и выражение авторской индивидуальности как эмоциональной и ценностной составляющих поэта; что ищет и чем удовлетворяется он и есть ли у него жажда жизни, ведь "...Человек живет на свете только один раз. Скажите, как оправдать то, что он попусту тратит свою жизнь..." [17]. Осознание этого и составляет сущность творчества Николая Семеновича Гумилёва (1886–1921) – основателя поэтической школы акмеизма. Его акмеизм порой противоречив и внутренне конфликтен. Конфликтность он представляет как обоснование критериев оценки собственно литературного, словесного и сферы содержательности в поэзии, когда

*Упреки льстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни непотребны.* [12, с.225]

Творческая святыня Н. Гумилёва представляет чувственную ясность художественного слова, которое может быть не наполнено социальным содержанием в поиске различных новых поэтик, но каждое его поэтическое слово может быть загадочным, властным, убедительным и своеобразным.

В его лирике концепт "счастье", в свою очередь, раскрывается своеобразно, в контексте неизбежной любви как "ласкающей тени" в смутной душе поэта:

*"От звёзд слетает тишина,
Блестит луна - твоё запыстье,
И мне опять во сне дана
Обетованная страна -
Давно оплаканное счастье".* ("Вечер"), [20].

Или – "Носорог":

*"...Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далёко уведут,
И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут"....*

Использование автором лексемы "фелуки" создает некую загадочность его эмоционального состояния в виде маленькой, но реально существующей надежды, что его поэзия попадет на свой причал и тогда:

*"Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий. Я дремал во мраке будней..."* ("Судный день"), [12 с.224].

Поэт представляет свою жизнь как не что магическое, но мрачное и поэтому в его поэтических строках присутствует: счастье "неведомое", "пьяное", "тоска безотчетная", "душа слепая", при этом он как бы свою жизнь трагит напрасно обозначенные нами словосочетания, позволяя увидеть мгновения соприкосновения авторской сферы индивидуального Гумилёва его творческой личности. Это дар судьбы, персонифицированное, оно может и следовать рядом с нами, и счастье может "очеловечивать", и являться призраком на жизненном пути не только лирических героев стихотворений, но и самого поэта. Счастье может быть слишком дорогим в плане платы за него, о чем он пишет с тревогой в стихотворении "Я говорю...":

*"А я плачу за счастье много,
Мой дом - из звёзд и песен дом,
И будет сладкая тревога
Расту при имени твоём"* [20].

В нашем представлении, ключевым мотивом в этих строках является стремление человека к счастью, что характеризует определенное различие в представлении концепта "счастье" двух литературных направлений в поэзии серебряного века.

В поэзии Н. Гумилёва также присутствует отказ от счастья, но отказ связан с определенными жизненными интенциями, создающими мотивированный нигилизм,

базисной составляющей, которого является жертвенность и соблазн, властность и упоительность, характеризующиеся гендерными признаками:

*"Нежно-небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу,
И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу"*
("Нежно-небывалая отрада..."), [20].

Поэт, часто обращаясь, спрашивает у читателя: "Счастье где?" И находит ответ на это в следующих поэтических строках:

*"...Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?"*
("Рощи пальм и заросли алоэ..."), [20].

Данные строки вызывают самоощущения как сложные душевные состояния "...основных человеческих желаний и рассматривают ли люди себя, в основном, счастливыми или несчастными, то ли успех может сделать нас счастливыми или что-то ...больше..." [16]. и поэтому не оставляют читателя равнодушным к поэзии Н. Гумилева.

Обратимся к лирике Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941), стоящей особняком, вне течений серебряного века, которой свойственно невероятное напряжение поиска счастья "в старинных туманах любви". Проведенное исследование доказывает, что представление в стихах М. Цветаевой – поэта женщины, "счастья" с данным эпиграфом есть своя психологическая правда, своя живая жизнь. И тогда хочется проверить, что действительно ли:

*"Счастье или грусть-
Ничего не знать наузуть,
Сон или смертный грех
Быть как шелк, как пух, как мех,..."* [15, с.76]

Тематический анализ стихотворений поэтессы показывает, что многие из них отличается некоторой убежденностью, когда сразу хочется поверить, что автор заявляет "не о литературном", а подлинном счастье:

*"В декабре на заре было счастье,
Длилось миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!"* ("Декабрь и январь"), [15, с.13].

У Цветаевой повторяется узнаваемый уже мотив святого счастья с раем:

*"И будем мы судимы - знай -
Одною мерою.
И будет нам обоим - Рай,
В который - верую.*" ("Чужому"), 12, с.318).

Картина мира, создаваемая концептом "счастье" в творчестве Цветаевой это все то, что наводит на раздумье как реально существующее, как есть, как явления и предметы внешнего мира, представленные в человеческом сознании в форме, то что он видит каждый день создает внутренний мир и внутреннюю образность и все "...более поздние взаимосвязи с людьми зависят от того, каким образом сложились и утвердились эти первоначальные отношения" [10, с.178]. Внутренняя образность М. Цветаевой глубоко индивидуальна и представление ее о счастье по-женски многогранное, где "Легкомыслие! Милый грех...", [15 с.29], "Забвенья милое искусство..." [15 с.26], "Ревнивый ветер трепит шаль..." [15, с. 89], "Целому сердцу – нужен весь Бог..." [15, с.119]. В этих строках проявляется романтизм и исповидальность, правда чувств и своевольность любви, которые представляют субъективную оценку счастья творчества М. Цветаевой, и является одним из выводов исследования в сопоставительном анализе концепта "счастье" литературных направлений поэзии серебряного века. Вместе с тем, мы согласны с исследователем Е. А. Касатых о том, что в поэзии М. Цветаевой "...художественное, событийное и онтологическое начала взаимосвязаны, представляет собой целостную систему с устойчивым комплексом тем, художественных приемов. Автор обращается к проблеме духовной стойкости человека, необходимости его постоянного личностного роста в независимости от внешних обстоятельств. Обладая четко осознаваемой духовно-нравственной позицией..." [7, с.18] и самобытной манерой, что делает ее мастером русского стиха. В соответствии с теорией L. W Sumner, можно предположить, что счастье, представляемое М. И. Цветаевой "...как субъективное, так и объективное... основанное на желаниях или предпочтениях и зависит оно от удовлетворенности жизнью" [18].

Самобытность Цветаевой – это не только ее необыкновенный талант, но и чувство Родины, любви как внутреннего, глубоко осознанного желания выразить эти чувства:

*"Русской ржи от меня поклон,
Полю, где баба застится..."* [12, с.311].

Но понять личность поэта через стихотворение порой бывает трудно, так как только М. Цветаевой свойственно чувственное восприятие мира. Что делает ее стихи глубоко личностными, где главный принцип в поэзии как быть только самой собой и если зависеть от времени счастья, то как

"Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век"
[15. с.40].

Таким образом, в результате проведенного исследования получены выводы, которые подтверждает нашу гипотезу о том, что контекстная вербализация динамично-

го концепта "счастье", зависящая от особенностей взгляда на мир, у русских поэтов серебряного века индивидуальна; при этом концепт "счастье" в их творчестве имеет символичный характер и в своих трактовках колеблется от фелицитарного нигилизма до утверждения идеала счастья, как на земле, так и за пределами земного существования и необычности некоторых обстоятельств. "Однако необычность некоторых обстоятельств в жизни человека, может определять его судьбу, создавать определенное психологическое состояние, при этом человек способен интерпретировать реальность в перспективе этих обстоятельств" [6, с.25] и моделировать свое счастье.

Анализ творчества поэтов показывает, что все авторы используют приём "наглядного моделирования" абстрактной категории счастья с помощью чувственных образов, поэтому концепт определяется у них как целостная совокупность образов и смыслов. При этом счастье отмечается разнородными семантическими признаками, образующими его содержания и разнородностью его предметной области (объёма), ибо разное счастье выпадает в тот период на их долю, но наиболее перестрадавшее оно у поэтов – женщин.

В семантическом составе "счастья" присутствуют такие признаки, как "желание" и "благо", соединение "вну-

тренного", "внешнего" и "запредельного" миров. Субъектно-индивидуальные представления о счастье зависят от типа личности поэта, поскольку для каждого из них счастье – это центральная феноменологическая "координата", отсюда и частность обращения как приоритетных элементов жизненного идеала.

Вместе с тем, необходимо отметить, что для акмеиста Н. Гумилёва счастье больше выступает в контексте философии странничества, у символиста А. Блока – с мистическим по природе взглядом на бытие, включающее земное и небесное. О гендерной специфике анализируемого концепта говорить сложнее, требуются дополнительные исследования, но всё же можно утверждать, что "маскулинное" представление о счастье с комплексом возможностей и ожиданий, что счастье позовет в дорогу и чертами конгруэнтности как внутренней гармонии, более развёрнутое, широкое и разнообразное, чем "феминное", которому больше свойственна: чувственность, эмоциональность, нежность. Смелые колебания между переживаемыми ощущениями счастья и "фелицитарным нигилизмом" тоже больше характерны для поэтов-мужчин, но и в том и в другом случае концепт "счастье" не стабилен и в нашем представлении его динамические изменения отражаются в виде лингвистической и эмоциональной образности поэтов, что может быть предметом дополнительного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антуан де Сен-Экзюпери. Земля людей, перев. с французского. М.:Изд-во Художественная литература, 1957.– 200 с.
2. Блок А. Стихотворения и поэмы. М.: Изд-во Художественная литература, 1968. – 256 с
3. Воркачёв С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.–142 с.
4. Гиппиус З. Н. Тихое пламя: Стихотворения 1889–1938 гг.; Из автобиографической прозы; Из дневников/ Ред.–сост. И. А. Курамжина.– М.: Центр–100, 1996.–288 с.
5. Громенко М. В. Лексическая образность поэтического текста как лингвокультурологический аспект дискурсивного пространства // Балтийский гуманитарный журнал. 20017.Том 6, №2 (19). – С.110 – 114.
6. Громенко М. В. Герменевика амбивалентности лингвистического и психологического в романе М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита"// Известия Юго-Западного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – –2015. – №1(14). – С. 24–33.
7. Касатых Е. А. Мир творчества А. И. Цветаевой: художественное. онтологическое и событийное. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иваново. Изд-во ГОУ ВПО "ШГПУ".: 2009. – 20 с.
- 8.Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН–СЛЯ. 1993. №1. С. 3–9.
- 9.Петрухин В. И. Системный анализ факторов, влияющих на качество профессиональной подготовки студентов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, август 2015. Часть II. – С. 104 – 107.
10. Петрухин В. И. Исследование проблемы социализации личности в свете современных психолого–педагогических концепций. Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно–практической конференции (13 августа 2016 г., г. Омск).– Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. –244 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток–Запад, 2007.– 315 с.
12. Русская поэзия XX века: Антология. –Ч.1/Сост. вступ. с И. К. Сушилиной.– М.: Сов. Россия,1991.– 576 с.
13. Серебряный век. Поэзия. – М.: Олимп; ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 672 с.
14. Смелова О. А. Музыка стихотворений М. И. Цветаевой. Исследовательская Работа // Инновационные проекты и программы в образовании. 2009. №4. С.47–57
15. Цветаева М. И. Любви старинные туманы: Стихотворения 1911–1921 гг./ Ред.–сост. И. А. Курамжина.–М.: Центр–100, 1996.– 160 с.
16. Nettle, D. (2005). Happiness: The science behind your smile. New York: Oxford University

17. Ruut Veenhoven. How do we assess how happy we are? University of Notre Dame, USA, October 22–24, 2006. p.19
https://www3.nd.edu/~adutt/activities/documents/Veenhoven_paper.pdf
18. Sumner, L. W. (1996). Welfare, happiness, and ethics. New York: Oxford University Press.
19. Veenhoven, R. (2011). World database of happiness. Rotterdam, The Netherlands: Erasmus University Rotterdam. <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl>.
20. <https://gumilev.ru/verses/104>

© М.В. Громенко, (grommv@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

